

Е. А. Айбабина

НАИМЕНОВАНИЯ ЛЕШЕГО В ДИАЛЕКТАХ КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА

В статье проводится семантико-мотивационный анализ более трех десятков диалектных лексических единиц, номинирующих духа-хозяина леса в коми-зырянском языке. Основным источником материала исследования послужили диалектные словари коми-зырянского языка, статьи по мифологии и фольклору коми. Привлекались также данные фольклорных сборников, лексикографических источников других финно-угорских языков, этимологических словарей. Среди анализируемых наименований представлены как исконные лексические единицы, так и заимствованные из русских народных говоров. Русское влияние обнаруживается не только в лексическом заимствовании, но и в образах лесного духа-хозяина у коми (имеется в виду его внешний облик, деятельность). Рассмотренные мифонимы включают отдельные лексемы и составные двухкомпонентные лексические единицы. В результате анализа выявлены лексико-семантические модели, по которым образованы составные наименования данного мифологического персонажа. Они сопоставляются с соотносимыми номинативными единицами в близкородственных пермских языках. Следует отметить этимологическую прозрачность наименований лесного духа-хозяина в коми диалектах. Часто в них акцентируется его локативная характеристика (*ягса, парма зон*). Ряд наименований характеризует лешего по особенностям внешнего облика, каким его представляли коми (*сюра, пони чуня*), по совершаемым действиям, по способу передвижения (*шувгей*), по речевым признакам (*тя*). Составные наименования в большинстве случаев представляют собой атрибутивные конструкции, в которых в качестве атрибута выступают названия лесных объектов или их словообразовательные дериваты, а в качестве главного компонента – исконные и заимствованные наименования, обозначающие нечистую силу, духов, в числе которых термины родства в переносном значении.

Ключевые слова: коми язык, пермские языки, русские народные говоры, диалектная лексика, заимствованная лексика, нечистая сила, мифонимы, леший, словообразовательные модели, мотивационный признак, лексико-семантическая модель.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-162-171

Одним из актуальных направлений современного коми языкознания является исследование тематических групп слов. Демонологическая лексика представляет интерес для исследователей, поскольку отражает систему архаических представлений какого-либо народа о мире. В данной статье анализируются коми народные названия лешего, одного из основных духов природных пространств.

В различных словарях коми языка, в ряде работ фольклористов и этнографов, посвященных мифологическим персонажам у коми, зафиксированы многочисленные наименования демонов, местом обитания которых является лес. Однако с точки зрения лингвистики эти мифонимы до настоящего времени еще не подвергались специальному исследованию, не считая некоторых этимологических изысканий [КЭСК 1999, 411, 412 и др.; UEW, 173–174]. В 2021 г. вышла небольшая статья «О некоторых наименованиях лесной нежити в диалектах коми языка», в которой основное внимание уделено рассмотрению мифонимов, заимствованных из русских народных говоров [Айбабина 2021].

В коми народной традиции дух-хозяина леса имел много имен. В настоящей статье анализируются 35 лексических единиц, номинирующих лешего, включая фонетические варианты. Двадцать пять из них зафиксированы в «Словаре диалектов коми языка» [СДКЯ 2012, 2014]. Это следующие наименования: *вөр айка* вв. (Мор.), *вөр дядьё* лл. (Чтв.), *вөр лешак* вс., *вөр олысь* лл. (Об.), *вөр посатса* уд. (Лопт.), *вөр пöль* лл. (Пор.), *вөр пöльё* вс. (Уж.) сс. (Пж.), *вöрсa* вв. вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс., *вöрсa дядьё* лл. (Зан.), *вöрсa оліся* вв. (Млд. Укл. Устьн.), *дядя* сс. (Втч.), *кузь* лл. (Об.) скр. сс. (Ыб), *леш* лл. (Зан.) сс. (Пж.), *лешак* иж. скр. уд., *лешунь* печ., *не* сс. (Втч. Пд.), *недук* уд. (Чупр.), *пони чуня* уд., *суземьё* вс. (Кб.), *сюра* скр. сс., *тя* уд., *шувгей* уд., *шувкей* уд., *ягса* иж. уд., *якса* уд.

Еще десять названий лешего извлечены из других источников: *вөр көзяин*, *яг морт* иж., *гöна пель* вым., *кольча син* печ., *кузьё*, *кыж* уд., *недуг* вв. (Нивш.), *чукля*, *ыджыд көма* лл., *Кузь Иван* вв. (Крч.) [Конаков 1996, КФ 2002, КЭСК 1999, Лыткин 1972, МП 2005].

Среди анализируемых наименований представлены как исконные лексические единицы (отдельные лексемы и словосочетания), так и заимствованные из русских народных говоров. Русское влияние обнаруживается не только в лексическом заимствовании, но и в образах лесного духа-хозяина у коми (имеется в виду его внешний облик, деятельность). Это объясняется многовековыми тесными контактами коми с русским населением. К тому же, как отметил Л. П. Лашук, при заселении Удоры, Ижмы, верхней Вычегды, Печоры и Летки наряду с коми-зырянами в тех же местах оседали и русские, вскоре этнически слившиеся с представителями коренной народности [Лашук 1972, 253-254]. В связи с этим для анализа привлекается лексический материал как родственных финно-угорских, так и русского языков.

1. Однокомпонентные наименования

1.1. Номинация по месту обитания

Вёрса вв. вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс.

Основным термином для номинации духа-хозяина леса в коми-зырянском языке является лексема *вёрса* 'лесной / леший', образованная от существительного *вёр* 'лес' с помощью словообразовательного суффикса прилагательных *-са*. У коми-пермяков имеется аналогичный мифоним *вёрись*, представляющий собой результат присоединения к слову *вёр* 'лес' малопродуктивного суффикса прилагательных *-ись* со значением 'относящийся к такому-то месту' [КПРС 1985 : 83, 84, 604].

В русских народных говорах, в том числе и в северных, имеется аналогичное наименование лешего – *лесной* [СРНГ 1980, 374].

Ягса иж. уд., *якса* уд.

В ижемском и удорском диалектах название лешего образовано в результате присоединения уже упоминавшегося суффикса *-са* к основе *яг*, повсеместно имеющей значение 'бор', а на Сысоле, в ижемском и удорском диалектах также 'лес'. Таким образом, рассматриваемая номинативная единица *ягса*, имеет значение 'леший / лесной', 'боровый' [СДКЯ 2014, 875].

1.2. Номинация по внешнему виду

Важно отметить, что леший, в представлениях коми, может предстать как антропоморфное, зооморфное, орнитоморфное существо, как атмосферное явление, но может иметь и контаминированный облик [МП 2005, 346]. В зависимости от принимаемого им облика находятся и наименования владыки леса.

Кузь лл. (Об.) скр. сс. (Ыб) букв. 'длинный'

И. А. Плосков обращает внимание на то, что в «Дополнении к Краткому этимологическому словарю коми языка» авторы сопоставляют слова *кузь*, *кузьё* 'чёрт', 'леший' с удмуртским словом *кузьё* 'хозяин', полагая, что прототипом общепермской праформы **kuz'a* является чувашское *хуза*, *хуза* 'хозяин, владелец'. В современном коми языке значение 'хозяин' у слова *кузь* не сохранилось. Как наименование лешего (хозяина леса) оно указывает на его огромный рост [КЭСК 1999, 411; Плосков 1984, 133-135]. В коми-пермяцком языке понятие «леший», так же, как и в коми-зырянском, передают лексемы *кузь* букв. 'длинный', *ыджыт* букв. 'большой' [Голева 2011, 94]. В лузско-летском диалекте коми языка лексическая единица *ыджыд* именуется нечистого, злого духа [СДКЯ 2014, 830]. В русских народных говорах, в частности, в Вятской губернии, зафиксировано наименование лешего *долгий*, также подчеркивающее его высокой рост [Дынин 2012, 97].

Кыж уд.

Е. С. Гуляев соотносит данное наименование с удмуртским обозначением нечистой силы *кыж-мыж* и с удмуртским глаголом *кыжмыны* 'загрязниться' [КЭСК 1999, 412]. В словарях удмуртского языка у лексической единицы *кыж-мыж*, помимо значения 'нечисть, нечистая сила', отмечено также значение 'грязный, нечистоплотный' [УРС 2008, 366; РУС 2019 I, 784]. Можно сопоставить это наименование с номинативными единицами *нечистая сила*, *нечисть* в русском языке. Как отметила И. В. Кириллова, «чистое, светлое является носителем божественного, святого, и по контрасту – образ дьявольского, сатанинского» [Кириллова 2015, 112].

Сюра скр. сс. букв. 'рогатый'

На то, что леший может иметь рога, указывается и в русском, и в коми-пермяцком фольклоре [Мадлевская 2005, 316; Голева 2011, 95]. Так, у коми-пермяков зафиксирован мифоним *сюра-пеля* букв. 'рогатый-ушастый', являющийся наименованием владыки леса.

Чукля букв. 'кривой'

Рассматриваемый мифоним зафиксирован без указания на конкретные регионы распространения [МП 2005, 598]. В удорском диалекте мифоним *чукля* именуется также черта и вообще нечистую

силу [СДКЯ 2014, 736]. В специальной литературе отмечалось, что идея кривизны, увечности, которую транслируют некоторые наименования мифологических персонажей, релевантна для образа нечистой силы [Березович, Сурикова 2020, 18]. В русских народных говорах также имеются демони́мы, созданные на этой мотивационной основе, например, диалектные наименования *кривой*, *кривой вражонок* ‘черт’ [СРНГ 1970, 185; Березович, Сурикова 2020, 18].

1.3. Номинация по способу передвижения в пространстве

Шувгей уд., *шувкей* уд.

Как уже упоминалось выше, в образах хозяина леса у коми и русских обнаруживается сходство. И в русской мифологии, и у коми, а также у коми-пермяков леший может появляться в виде сильного ветра, вихря. [Мадлевская 2005, 51; МК 1999, 118; Голева 2011, 95]. В удорском диалекте коми языка зафиксированы название лешего *шувгей* и его фонетический вариант *шувкей*. Первое значение данной лексемы – ‘ветер, вихрь’ [СДКЯ 2014, 805]. Также вихрь *шувгей* (*шувкей*) представляет собой сонм демонических существ, похищающих людей (МП 2005, 594). В русской мифологии *вихор* вят. – нечистая сила, якобы находящаяся в вихрях [СРНГ 1969, 305]. Коми-пермяки в некоторых случаях обращаются к лешему, называя его *Вихор Вихоревич* [Голева 2011, 94].

1.4. Номинация по звуку, издаваемому демоном

Тя уд.

Удорское название лешего *тя*, очевидно, имеет в основе речевые признаки номинируемого и произведено от звукоподражательного идеофона *тяв-тяв*, обозначающего лай щенка.

Такое предположение основывается на том, что данный мифологический персонаж, поскольку он является оборотнем, может принимать образ какого-либо животного, в том числе собаки [КФ 2002, 165]. А. Ф. Журавлев, рассматривая глагольные обозначения бесовской речи в восточнославянских языках, упоминает, что леший гавкает [Журавлев 2013, 354].

Можно отметить, что лексема *тя* в среднесысольском диалекте (Втч. Пд. Ыб) имеет значение ‘щенок’, в верхневычегодском лексическая единица *тяге* (Ан. Руч) именуется дворняжку [СДКЯ 2014, 637].

1.5. Заимствованные номинативные единицы

В словарях коми языка зафиксировано несколько наименований лешего, заимствованных из русских народных говоров.

Лешак иж. скр. уд.

Как в русском, так и в коми, в коми-пермяцком, в удмуртском языках слово *лешак* употребляется также как бранное.

Леш лл. (Зан.) сс. (Пж.). *лешунь* печ.

Наименование *леш*, видимо, следует рассматривать как результат апокопического сокращения лексической единицы *лешак*, а *лешунь*, в свою очередь, образовано от него с помощью суффикса *-унь*, представленного только в диалектной лексике [Федунева 1985, 39].

Суземьё вс. (Кб.)

Верхнесысольское название лешего *суземьё*, по-видимому, является иллюстрацией полного совпадения наименования объекта ландшафта и обитающего в нем демона. Так, заимствованная из русского языка лексема *суземьё* вс. (Кб.) имеет еще и значение ‘тёмный, глухой, дремучий лес’ [СДКЯ 2014, 439].

В «Словаре русских народных говоров» лексическая единица *суземье* определяется следующим образом: ‘Глухой дальний лес. Перм., 1848. Суземьем у нас дремуч-от лес прозывают; шибко, говорят, страшно там. Перм. Здесь Михайло Потапыч живет, хозяин суземья Арх.’ [СРНГ 2008, 186]. Здесь уместно обратить внимание на то, что, как отмечается в специальной литературе, у коми, удмуртов, а также у целого ряда сибирских народов одной из ипостасей лешего является медведь, хозяин леса [Конаков 1996, 52]. Лексическая единица *сузеньюшка* в русских народных говорах также обозначает мифическое существо [СРНГ 2008, 189].

Не сс. (Втч. Пд.)

В ряде диалектов коми языка зафиксированы наименования нечистой силы, заимствованные из русских народных говоров и содержащие в своей формальной структуре приставку *не-*: *некош* лл. (Нош.), *некошной* лл. (Пор.) (< рус. *некошной* ‘всякая нежить, водяной, домовый, леший’), *невидим* печ. (< рус. перм. *невидимка* ‘род нежити, домового’) и другие [Даль 1979, 505, 521; СДКЯ 2012, 978, 980, 984]. Возможно, среднесысольское название лешего (и злых духов вообще) *не*

закрепилось в названном диалекте благодаря этим наименованиям и образовано в результате усечения конечных слогов слова.

Недуг вв. (Нивш.), *недук* уд. (Чупр.)

Так же, как и мифоним *не*, рассматриваемые лексические единицы именуют нечистого, злого духа, лешего.

В русских народных говорах словом *недуг* обозначается ‘болезнь чего-либо’, ‘врожденная неизлечимая болезнь’, ‘падучая болезнь’, ‘чирей, нарыв, болячка’ и т. д. [СРНГ 1986, 37].

А. Ф. Журавлев обращает внимание на наличие семантических связей между названиями нечистой силы и различных болезней, которые «составляют, по крайней мере для славян, устойчивый стандарт». Он приводит целый ряд примеров, в числе которых и злопожелание *недуг тебя убей!* ‘Чтоб ты околел!’ и др. В клишированных бранных выражениях очевидно замещение имен черта названиями различных болезней [Журавлев 2005, 699-700; СРНГ 1986, 38].

По-видимому, общность русских диалектных названий нечистой силы и болезней могла способствовать использованию заимствованного слова *недуг* в коми языке в качестве мифонима.

Более детальное рассмотрение ряда заимствованных наименований лешего в коми языке содержится в работе «О некоторых наименованиях лесной нежити в диалектах коми языка [Айбабина 2021].

2. Составные наименования

2.1. Номинация по месту обитания

В одиннадцати наименованиях из шестнадцати акцентируется локативная характеристика демона.

В составных конструкциях, номинирующих лешего, в качестве атрибута фиксируются лексические единицы *вӧрса* ‘лесной’, *вӧр* ‘лес / лесной’, *парма* иж. ‘парма’, *яг* ‘бор’, ‘лес’ [СДКЯ 2012, 267, 271; СДКЯ 2014, 875].

Следует остановиться на рассмотрении опорных компонентов двусоставных единиц, номинирующих лешего.

Вӧр айка вв. (Мор.)

Главное слово мифонима *айка* имеет в большинстве диалектов (вв. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд.) значение ‘свекор’, в вымском и ижемском – ‘тесть’. На верхней и нижней Вычегде, Выми и Печоре лексема *айка* является также наименованием злого духа, сверхъестественного существа [СДКЯ 2012, 24]. Как заметил Н. Д. Конаков, *айка* – составная часть ряда наименований представителей «низшей» мифологии, духов-хозяев [МК 1999, 79]. Термин является производным от слова *ай* ‘отец, родитель’, ‘самец’. Суффикс *-ка* Г. В. Федюнева рассматривает в целом как заимствованный формант, но в приведенном слове не исключает возможности его возведения к древнему финно-угорскому *kkV [Федюнева 1985, 104]. Таким образом, буквальное значение номинативной единицы *вӧр айка* – ‘лесной дух-хозяин’.

Модель, согласно которой дух получает название по месту обитания в лесу, использована для наименования лешего и в венгерском языке: *erdei szellem* букв. ‘лесной дух’ [OMSz 2000, 230].

Вӧр олысь лл. (Об.), *вӧрса оліся* вв.

То же буквальное значение имеют наименования *вӧрса оліся* вв. и *вӧр олысь* лл. (Об.). Лексико-семантический вариант ‘дух, обитающий где-л.’ появился в структуре лексемы *олысь* на базе основного значения ‘живущий / житель; обитатель’. Варианты *олыся* вв. (Укл.) вым (Кони) нв. печ. скр. сс. и *оліся* вв. уд. также используются для номинации мифологических существ [СДКЯ 2012, 1072]. В мифологии коми слово *олысь* применяется для обозначения духов-хозяев места вообще [МП 2005, 599].

Вӧр пӧль лл. (Пор.), *вӧр пӧльӧ* вс. (Уж.) сс. (Пж.)

Лексема *пӧль* вв. (Дер. Крч.) лл. уд. (*пӧльӧ* вс.) имеет значения ‘дед (отец отца)’, ‘старик’ [СДКЯ 2014, 186]. Таким образом, номинативные единицы *вӧр пӧль* лл. (Пор.), *вӧр пӧльӧ* вс. (Уж.) сс. (Пж.) имеют буквальное значение ‘лесной дедушка / старик’.

Вӧр дядьӧ лл. (Чтв.), *вӧрса дядьӧ* лл. (Зан.)

В семантической структуре заимствованной из русского языка лексемы *дядь* в большинстве диалектов коми языка отмечены лексико-семантические варианты ‘дядя (брат отца или матери; муж сестры отца)’, ‘отчим’, а в вымском и удорском диалектах – ‘мужчина; незнакомый человек’ [СДКЯ 2012, 493]. Буквальное значение лексических единиц *вӧр / вӧрса дядьӧ* – ‘лесной дядя’.

По мнению Н. Д. Конакова, главные компоненты рассмотренных составных наименований лешего *айка* ‘свекор’, *дядь / дядьӧ* ‘дядя’, *пӧль / пӧльӧ* ‘дед’, ‘старик’, в своем основном значении явля-

ющиеся терминами родства, указывают на старшинство, главенствующую роль этого духа в лесу [Конаков 1996, 52].

Модели 'лесной дядя', 'лесной дедушка / старик' активны также в вепском, в близкородственных пермских языках, в северных русских народных говорах: к.-п. *вөр дядь*, удм. *нюлэсюня* (букв. 'лесной дядя'), рус. *лесной дядя* [Даль 1979, 279], удм. *нюлэсбуба* (букв. 'лесной дед') [КПРС 1985, 83; УРС 2008, 479], вепс. *тесаик* 'букв. лесной старик' [СВЯ 1972, 323], рус. *лесной дедушка* [СРНГ 1980, 373-374].

Вөр көзяин букв. 'лесной хозяин'

Рассматриваемое наименование лешего зафиксировано без указания на место его распространения [КФ 2002, 165].

В коми-пермяцком, удмуртском языках, в ливвиковском диалекте карельского языка, в севернорусских говорах также имеются наименования, образованные по модели 'лесной хозяин', соответственно: *вөр көзяин*, *нюлэскузё*, *тэлькузё*, *тецән иžändü* [Конаков 1996, 52; УРС 2008, 479; Борисов 1991, 295; СКЯ 1990, 97; СРНГ 1980, 373-374]. В печорском диалекте коми-зырянского языка наименование *вөр көзяин* (букв. 'лесной хозяин') обозначает старшего на охоте [СДКЯ 2012, 727].

Вөр лешак вс.

В рассматриваемом наименовании атрибут *вөр* 'лес / лесной' на первый взгляд представляется семантически избыточным определением. Однако следует отметить, что в коми языках заимствованное слово *лешак* приобрело также значение 'черт' [КРК 2000, 349; КПРС 1985, 221]. Таким образом, рассмотренное наименование лешего можно трактовать как 'лесной черт'.

Вөр посатса уд.

По-видимому, компонент *посатса* является полукалькой русской лексемы *посадский*. В нескольких диалектах коми языка (вс. лл. скр. сс.) заимствованная лексическая единица *посад* функционирует в значении 'парная линия снопов, приготовленная на току для ручной молотбы' [СДКЯ 2014, 197]. Очевидно, что на базе коми языка не удастся объяснить возникновение рассматриваемого коми названия демона.

Однако ряд значений лексемы *посадский*, зафиксированных в русских лексикографических источниках, позволяет предположить, что наименование *вөр посатса* (букв. 'лесной посадский') содержит указание или на место обитания демона, или на присущие лешему действия. Так, в толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова у слова *посадский* зафиксировано значение 'хулиган, грубый и развязный озорник (обл. *бран.*)' [ТСРЯ 1939, 310]. По народным представлениям, леший любит подшутить над людьми. В частности, одной из распространенных его проделок являлась потеря человеком способности ориентироваться в лесу.

Яг морт иж.

Рассматриваемая двусоставная номинативная единица имеет буквальное значение 'лесной / боровой человек'. В коми-пермяцком, удмуртском и вепском языках также имеются названия лешего, образованные по лексико-семантической модели 'лесной человек': к.-п. *вөр морт*, удм. *нюлэсмурт*, вепс. *тесатеž* [КПРС 1985, 83; УРС 2008, 479; СВЯ 1972, 323].

Парма зон вв. (Нивш.)

В верхневычегодском названии лесного духа заложено указание на его обитание в парме: *парма зон* ('парень из пармы'). Существительное *парма* в нижневычегодском диалекте обозначает ельник на высоком месте, но более широкое распространение (вв. вым. иж. лл. печ. скр. сс.) имеет значение 'лесистый кряж, увал'. В словаре литературного коми языка у слова *парма* зафиксировано также значение 'парма; лес, тайга' [СДКЯ 2014, 70; КРС 2000, 484].

2.2. Наименования, характеризующие внешний облик лешего

Гöна пель вым. (букв. 'мохнатые уши')

По мнению Н. Д. Конакова, скорее всего, это ошибочно записанная лексическая единица *гöна пöль* (букв. 'мохнатый старик') [Конаков 1996, 52]. Эта точка зрения не лишена основания. В частности, в русской мифологии, оказавшей несомненное влияние на развитие образа данного мифологического персонажа у коми, леший мохнат, у него рога [Мадлевская 2005, 316]. Эта особенность внешнего облика лешего отмечается и в коми несказочной прозе [МП 2005, 357].

Однако наименование лешего 'мохнатоухий' находит подтверждение в ряде быличек. Леший называет человека голоухим или лысоголовым, тогда как сам он *гöна пеля* – мохнатоухий, с ушами, как у совы [МП 2005, 370, 373, 593]. В коми-пермяцком языке отмечено наименование лешего *кöспель* 'сухоухий' [Голева 2011, 94].

В числе табуизированных наименований, указывающих на внешние особенности лесного духа-хозяина, зафиксированы также мифонимы *кольча син* печ. (букв. ‘круглые глаза’), *пони чуня* уд. (букв. ‘с маленькими пальцами’), *ыджыд кѳма* лл. (букв. ‘в большой обуви’) [Конаков 1996, 52; Лыткин 1972, 116].

В рассказах о встречах с лешим, даже если он предстает в антропоморфном облике, отмечается, что людям, встретившимся с ним, понятно, что это не человек. Нередко рассказчик отмечает характерные особенности демона: *И аддза: сулалѳ ыджыд тушаа..., съѳд гѳна, ыджыд лапаяса и медся ѳна запомнитчѳма синъясыс. Сэтиѳм нѳ ыджыдѳсь и ме вылѳ сэтиѳм ѳна видзѳдѳны...* ‘Вижу: стоит огромный ..., весь покрыт черной шерстью, с большими лапами. Больше всего запомнились глаза: такие большие и на меня так смотрят...’ [МП 2005, 357, 358].

В удмуртском названии лешего также запечатлена одна из предполагаемых особенностей его внешности: *кузьпинѳмурт* букв. ‘длиннозубый человек’ [УРС 2008, 345].

Кузь Иван (букв. длинный Иван)

В «Материалах по коми диалектологическому словарю» В. И. Лыткин фиксирует единственное обозначение лешего, именуемое его по имени [Лыткин 1972, 117]. Коми-пермяки иногда обращаются к лесному владыке, называя его личными именами: *Митрофан Митрофанович, Федор Фролович, Иван Горнозович* и др. [Голева 2011, 94].

Кузь шутилѳ печ. (Свб.)

Данное наименование лешего, используемое в бранном контексте по отношению к человеку большого роста, связано со словом *шут*, значение которого В. И. Даль определяет как ‘всякая нежить, домовый, леший, водяной’ [СДКЯ 2014, 814; Даль 1980, 649-650]. В своей книге «Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» А. Ф. Журавлев отмечает, что значение глагола *шутить* ‘морочить, водить, путать, дразнить (о нечистой силе)’ является более старым, нежели ‘веселиться, забавляться, играть словом, острить, иронизировать’ и произведено от существительного *шут* ‘черт’ [Журавлев 2005, 680].

В заключение можно подвести некоторые итоги. Подавляющее число номинаций владыки лесных угодий представляют собой эвфемизмы, табуистические обозначения демона. Следует отметить этимологическую прозрачность наименований лешего в коми языке. Среди них количественно лидируют обозначения, указывающие на локус рассматриваемого мифологического персонажа. Ряд номинативных единиц, обозначающих лесного хозяина, мотивирован особенностями внешнего облика демона, каким его представляли коми. Немногочисленные наименования характеризуют владыку леса по способу передвижения, по речевым признакам.

Анализ представленного материала позволил выявить лексико-семантические модели, используемые в процессе номинации.

Составные наименования в своем большинстве представляют собой атрибутивные конструкции, в которых в качестве атрибута выступают названия лесных объектов или их словообразовательные дериваты, а в качестве главного компонента – исконные и заимствованные наименования, обозначающие нечистую силу, духов, в числе которых термины родства в переносном значении.

Обращает на себя внимание наличие значительного числа моделей номинации лешего, общих для близкородственных пермских и русского языков. Однако в коми-пермяцком и удмуртском языках отмечены и другие, актуальные для носителей этих языков мотивировочные признаки хозяина леса, отраженные в их названиях.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Языки и диалекты:

- вв. – верхневычегодский диалект коми языка;
- вепс. – вепсский язык;
- вс. – верхнесыольский диалект коми языка;
- вым. – вымский диалект коми языка;
- иж. – ижемский диалект коми языка;
- кар. – карельский язык;
- к-п. – коми-пермяцкий язык;
- лл. – лузско-летский диалект коми языка;
- нв. – нижневычегодский диалект коми языка;
- печ. – печорский диалект коми языка;

рус. – русский язык;
скр. – присыктывкарский диалект коми языка;
сс. – среднесыольский диалект коми языка;
уд. – удорский диалект коми языка.

Наименования населенных пунктов: Ан. – с. Аныб, Втч. – с. Вотча, Гр. – с. Грива, Зан. – с. Занулье, Кб. – с. Кобра, Крч. – с. Керчомья, Лопт. – д. Лоптнога, Млд. – с. Мыёлдино, Мор. – с. Мордино, Об. – с. Объячево, Плз. – с. Палауз, Пж. – с. Пажга, Пор. – д. Поруб, Свб. – д. Савинобор, Уж. – с. Ужга, Укл. – с. Усть-Кулом, Устьн. – с. Усть-Нем, Чтв. – с. Читаево

Прочие сокращения: букв. – буквально, буквальный перевод.

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабина Е.А. О некоторых наименованиях лесной нежити в диалектах коми языка // Известия Общества изучения Коми края. Сыктывкар, 2021. Вып. 2 (21). С. 5–9.
- Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Наименования нечистой силы в русских проклятиях. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 5–28. DOI: 10.17223/19986645/67/1.
- Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1991. 384 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Москва. Т. 1. 1978. 699 с.; Т. 2. 1979. 779 с. Т. 4. 1980. 683 с.
- Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. Пермь: «Мама-тов», 2011. 217 с. (Фольклор народов России).
- Дынин В. И. О номенклатуре русских мифологических персонажей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, политология, социология. 2012. № 1. С. 96–100.
- Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». Москва: Индрик, 2005. 1004 с.
- Журавлев А. Ф. Фонетика бесовской речи (на восточнославянском материале) // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. Москва: Индрик, 2013. С. 344–362.
- Кириллова И. В. Особенности семантики демонологической лексики в русском языковом сознании // Лингвокультурология. 2015. № 9. С. 109–118.
- Конаков Н. Д. Традиционное мировоззрение народов коми: Окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар, 1996. 131 с.
- КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. Москва, 1985. 624 с.
- КРК – Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукөр. Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000. 816 с.
- КФ – Коми фольклор: Хрестоматия. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002. 328 с.
- КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 432 с.
- Лашук Л. П. Формирование народности коми. М., 1972. 392 с.
- Лыткин В. И. Материалы по коми диалектологическому словарю // Коми филология. Сыктывкар, 1972. С. 110–120. (Труды ИЯЛИ; № 14).
- Мадлевская Е. Л. Русская мифология. Энциклопедия. Москва, 2005. 784 с.
- МК – Энциклопедия уральских мифологий. Т. I. Мифология коми. Москва-Сыктывкар, 1999. 480 с.
- МП – Му пуксьём – Сотворение мира / Авт.-сост. П. Ф. Лимеров, Сыктывкар 2005. 624 с.
- Плосков И. А. Названия мифических персонажей коми фольклора // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка. Сыктывкар, 1984. С. 130–147. (Труды ИЯЛИ; № 31).
- СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Ленинград, 1972. 346 с.
- СДКЯ – Словарь диалектов коми языка: В 2-х тт. / Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина., Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева. Сыктывкар. Т. 1. 2012. 1096 с.; Т. 2. 2014. 888 с.
- СКЯ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. 495 с.
- СРНГ 1969 – Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Ленинград, 1969. 385 с. СРНГ 1980 – Словарь русских народных говоров. Вып. 16. Ленинград, 1980. 376 с.
- СРНГ 1981 – Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Ленинград, 1981. 384 с.

- СРНГ 1986 – Словарь русских народных говоров. Вып. 21. Ленинград, 1986. 360 с.
СРНГ 1996 – Словарь русских народных говоров. Вып. 30. Санкт-Петербург, 1996. 384 с.
СРНГ 2008 – Словарь русских народных говоров. Вып. 42. Санкт-Петербург, 2008. 330 с.
ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. Москва, 1939. 712 с.
УРС – Удмуртско-русский словарь / Отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.
Федюнева Г.В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. Москва, 1985. 134 с.

- OMSz – Gáldi L., Uzonyi P. Orosz-magyar szótár. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2000. 742 ol.
UEW – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. 905 s.

Поступила в редакцию 14.12.2022

Айбабина Евгения Авенировна,
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
e-mail: ajbabina.evgenya@yandex.ru
ORCID 0000-0003-2435-3081

E.A. Aibabina

NAMES FOR LESHY IN DIALECTS OF THE KOMI-ZYRYAN LANGUAGE

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-162-171

The paper provides a semantic and motivational analysis of more than three dozen dialect lexical units nominating the host spirit of the forest in the Komi-Zyryan language. The main source of the research material was dialect dictionaries of the Komi-Zyryan language, papers on the mythology and folklore of Komi. Data from research folklore collections, lexicographic sources of other Finno-Ugric languages, etymological dictionaries were also involved. Among the analyzed names both native lexical units and those borrowed from Russian folk dialects are presented. The Russian influence is found not only in lexical borrowing, but also in the images of the forest host-spirit (this refers to its appearance, activity).

The considered mythonyms include separate lexemes and composite two-component lexical units. As a result of the analysis, lexical and semantic models have been identified, according to which the composite names of this mythological character have been formed. They are compared with correlated nominative units in closely related Permian languages. The etymological transparency of the names of Leshy in Komi dialects should be noted. Most often they emphasize its locative characteristic (*jagsa, parma zon*). A number of names characterize the forest spirit by the peculiarities of its external appearance, as it was envisioned by the Komi (*s'ura, pon'i č'un'a*), by the actions performed by the demon, by the method of movement (*šuvgej*), by speech characteristics (*t'a*).

Keywords: the Komi language, the Permian languages, Russian folk dialects, dialect vocabulary, borrowed vocabulary, evil spirits, mythonyms, Leshy, word-building models, motivational sign, lexico-semantic model

Acknowledgments: The publication was prepared as part of the implementation of the state task of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, the state registration number of the project is FUUU-2021-0008 «Permian languages in the linguocultural space of the European North and the Urals».

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 162–171. In Russian.

REFERENCES

- Aibabina E. A.** *O nekotorykh naimenovaniyakh lesnoi nezhati v dialektakh komi yazyka* [About some names of the forest undead in the dialects of the Komi language]. *Izvestiya Obshchestva izucheniya Komi kraja*. Vyp. 2(21). [Proceedings of the Society for the study of the Komi region. Issue 2(21)]. Syktyvkar 2021. Pp. 5–9. In Russian.
- Berezovich E. L., Surikova O. D.** *Naimenovaniya nechistoi sily v russkikh proklyatiyakh* [Names of Evil Spirits in Russian Imprecations] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. [Tomsk State University Journal of Philology]. 2020. № 67. Pp. 5–28. DOI: 10.17223/19986645/67/1. In Russian.

- Borisov T. K.** *Udmurtsko-russkii tolkovyi slovar'* [The Udmurt-Russian explanatory dictionary]. Izhevsk, 1991. 384 p. In Udmurt and in Russian.
- Goleva T. G.** *Mifologicheskie personazhi v sisteme mirovozzreniya komi-permyakov. (Fol'klor narodov Rossii)* [Mythological characters in the worldview of the Komi-Permians (Folklore of the peoples of Russia)]. Perm: Mamatov Publ., 2011. 217 p.
- Dal' V. I.** *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 vols]. Moscow, 1978. Vol. I. 699 p. 1979. Vol. II. 779 p. In Russian.
- Dynin V. I.** *O nomenklature russkikh mifologicheskikh personazhei* [About the nomenclature of Russian mythological characters]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, politologiya, sociologiya [Bulletin of the Voronezh State University. Series: History, Political Science, Sociology]. 2012. N 1. Pp. 96–100. In Russian.
- Zhuravlev A. F.** *Yazyk i mif. Lingvisticheskii kommentarii k trudu A. N. Afanas'eva "Poeticheskiye vozzreniya slav'an na prirodu"* [Language and myth. Linguistic commentary on the work of A.N. Afanasyev "Poetic views of the Slavs on nature"]. Moscow: Indrik Publ., 2005. 1004 p. In Russian.
- Zhuravlev A. F.** *Fonetika besovskoi rechi (na vostochnoslavianskom materiale)* [Phonetics of demonic speech (of East Slavic material)]. *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiju akademika Nikity Il'icha Tolstogo* [Ethnolinguistica Slavica. To the 90th anniversary of academician Nikita Ilyich Tolstoy]. Moscow: Indrik Publ., 2013. Pp. 344–362. In Russian.
- KF** – Komi fol'klor. Hrestomatiya. [Komi folklore]. Syktyvkar, 2002. 328 p. In Komi.
- Kirillova I. V.** *Osobennosti semantiki demonologicheskoi leksiki v russkom yazykovom soznanii* [Features of the semantics of demonological vocabulary in the Russian linguistic consciousness]. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. 2015. №9. Pp. 109–118. In Russian.
- KPRS** – *Komi-permyatsko-russkii slovar'* [The Komi-Permyak-Russian dictionary] / R. M. Batalova, A. S. Krivoshchekova-Gantman. Moscow, 1985. 624 p. In Permian and in Russian.
- KRK** – *Komi-roch kyvchukör. Komi-russkii slovar'* [The Komi-Russian dictionary] / L. M. Beznosikova, E. A. Aibabina, R. M. Kosnyreva. Syktyvkar, 2000, 816 p. In Komi and in Russian.
- Konakov N. D.** *Traditsionnoye mirovozzrenie narodov komi. Okruzhayushchii mir. Prostranstvo i vremya* [Traditional Worldview of the Komi People: The World Around. Space and Time]. Syktyvkar, 1996. 131 p. In Russian.
- Lashuk L. P.** *Formirovanie narodnosti komi* [Formation of the Komi nation]. Moscow, 1972. 392 p. In Russian.
- Lytkin V. I., Gulyaev E. S.** *Kratkii etimologicheskii slovar'komi yazyka* [Concise etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar, 1999. 432 p. In Komi and in Russian.
- Lytkin V. I.** *Materialy po komi dialektologicheskomu slovar'u* [Materials on the Komi dialectological dictionary]. *Komi filologiya* [Komi Philology]. Syktyvkar, 1972. Pp. 110–120. (Works of the Institute of Language, Literature and History. No. 14). In Komi and in Russian.
- Madlevskaya E. L.** *Russkaya mifologiya. Entsiklopediya* [Russian mythology. Encyclopedia]. Moscow, 2005. 784 p. In Russian.
- MK** – *Entsiklopediya ural'skikh mifologii. T.I. Mifologiya komi* [The Encyclopedia of Uralic Mythologies. Vol. I. Komi mythology]. Moscow- Syktyvkar, 1999. 480 p. In Russian.
- MP** – *Mu puks'öm – Sotvorenje mira* / sost. Limerov P.F. [Creation of the world / comp. by Limerov P.F.] Syktyvkar, 2005. 624 p. In Komi and in Russian.
- Ploskov I. A.** *Nazvaniya mificheskikh personazhei komi fol'klora* [Names of mythical characters in Komi folklore]. *Voprosy leksikologii i slovoobrazovaniya komi yazyka* [Problems of lexicology and word formation in the Komi language]. Syktyvkar, 1984. Pp. 130–147. (Works of the Institute of language, literature and history. No. 31). In Russian.
- SVYA** – **Zaitseva M. I., Mullonen M. I.** *Slovar' vepsskogo yazyka* [Dictionary of the Vepsian language]. Leningrad, 1972. 346 p. In Vepsian and in Russian.
- SKYA** – *Slovar' karel'skogo yazyka (livvikovskii dialekt)* / sost. G. N. Makarov [Dictionary of the Karelian language (livvikovski dialect) / comp. by Makarov, G. N.]. Petrozavodsk, 1990. 495 p. In Karelian and in Russian.
- SDKYA** – *Slovar' dialektov komi yazyka. V 2 t.* [Dictionary of the Komi language dialects: In 2 vols.] / L. M. Beznosikova, E. A. Aibabina, N. K. Zaboeva, R. M. Kosnyreva. Syktyvkar. Vol. I. 2012. 1095 p.; Vol. II. 2014. 886 p. In Komi and in Russian.
- SRNG 1969** – *Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 4.* [Dictionary of Russian folk dialects. Is. 4]. Leningrad, 1969. 358 p. In Russian
- SRNG 1980** – *Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 16.* [Dictionary of Russian folk dialects. Is 16]. Leningrad, 1980. 376 p. In Russian.

SRNG 1981 – *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. . Vyp. 17. [Dictionary of Russian folk dialects. Is. 17]. Leningrad, 1981. 384 p. In Russian.

SRNG 1986 – *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 21. [Dictionary of Russian folk dialects. Is. 21]. Leningrad, 1986. 360 p. In Russian.

SRNG 1996 – *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 30. [Dictionary of Russian folk dialects. Is. 30]. Saint-Petersburg, 1996. 384 p. In Russian.

SRNG 2008 – *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 42. [Dictionary of Russian folk dialects. Is. 42]. Saint-Petersburg, 2008. 330 p. In Russian.

TSRYA – *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. V 4 t. / pod red. D. N. Ushakova. T. 3 [Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 vols.; editor D. N. Ushakov]. Vol. 3. Moscow, 1939. 712 p. In Russian.

URS – *Udmurtsko-russkii slovar'* [The Udmurt-Russian dictionary]. Izhevsk, 2008. 925 p. In Udmurt and in Russian.

Fedyuneva G. V. *Slovoobrazovatel'nye suffiksy sushchestvitel'nykh v komi yazyke* [Nominal word-forming suffixes in the Komi language]. Moscow, 1985. 134 p. In Russian.

OMSz – **Gáldi L., Uzonyi P.** *Orosz-magyar szótár*. Budapest 2000. 742 p.

UEW – **Rédei K.** *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. 905 p.

Received 14.12.2022

Aibabina Evgenia Avenirovna

Candidate of Philology, Leading Researcher

Institute of Language, Literature and History,

Komi Research Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences

26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, 167982, Russian Federation

E-mail: ajbabina.evgenya@yandex.ru

ORCID 0000-0003-2435-3081